

**ПОКОЛЕНИЕ РАЗРУШЕННЫХ ИДЕАЛОВ:
НИГЕРИЙСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ
в 1950-е — первую половину 1960-х годов**

Период становления нигерийской литературы пришелся на 1950-е годы — время, когда все общество, и интеллигенция в особенности, предчувствовали скорое предоставление Нигерии независимости. Все творчество этого десятилетия переходно, наполнено ощущением грядущих перемен.

Отличительными особенностями литературных произведений 1950-х годов являются их автохтонность и ретроспективность. Примером могут служить ранние пьесы и поэзия В. Шойинки, романы Ч. Ачебе, поэзия Дж. Кларка и К. Окигбо. Это не было свидетельством романтической устремлений авторов или их ностальгии по прежней Африке. Эпизоды прошлого, как и заимствования из мифологии и фольклора различных народностей Нигерии, имели в творчестве писателей иное предназначение. Они не столько помогали воскресить в памяти общества дух и атмосферу былых времен — доколониального и колониального периодов, сколько призывали извлечь уроки предшествующих эпох.

Литераторы ставили перед современниками вопросы: возможно ли просто подвести черту и шагнуть навстречу новой Нигерии, не реабилитировав при этом историю и культурные традиции своего народа? Возможно ли преодоление состояния угнетенности без избавления общества от комплекса неполноценности и беспочвенности?

Впоследствии Эммануэль Обиечина, комментируя роман Чинуа Ачебе «И пришло разрушение», так определил назначение ретроспективных произведений писателя: «Мы сопереживали Оконкво в его несчастье тяжелого выбора... и могли оценить мучительность ситуации традиционной Африки, ... беспомощной перед натиском британского колониализма, который бесцеремонно уничтожил и разрушил ценности, жизненно важные для него» [Obiechina 1971: VI].

Эпоха, грядущая вслед за предоставлением независимости Нигерии, вовсе не представлялась литераторам золотым веком, временем всеобщего благоденствия и единения. Однако им хотелось верить, что новый статус поможет в решении насущных проблем, стоящих перед страной, а соотечественники не повторят ошибки предшествующих поколений.

Нельзя не согласиться с В. Н. Вавиловым в том, что именно в 1950-е годы нигерийская интеллигенция выступает как одно целое. Ее стремление к участию в общей судьбе Нигерии берет вверх над чувством принадлежности к какому-то одному народу [Вавилов 1964: 221]. Несмотря на разницу в жанрах и сюжетах, нигерийская проза и поэзия в рассматриваемый период демонстрирует общую направленность, прежде всего — на преодоление так называемого «культурного перекрестка» [Achebe 1975: 67], на котором оказалось нигерийское общество.

Литераторы хотели не допустить ложной, ненужной и непонятной для общества европеизации, вернуть соплеменникам ощущение личной независимости и свободы, уважения к самобытной национальной культуре. Для этого им нужно было, следуя выражению Кристофера Окигбо, «заглянуть вовнутрь и изучить свое естество» [Okigbo 1964: 4]. Иными словами, литераторы должны были прежде сами заново познать традиции своего народа, примириться с его прошлым, а лишь затем предлагать обществу вступить на этот путь.

Несмотря на все усилия, воззвания нигерийских литераторов не были услышаны. Причины этого заключаются не только в низком уровне грамотности населения и малой известности произведений писателей в самой Нигерии. Они глубже.

Во-первых, важно учитывать то, что отношение писателей к чужой и своей культуре продолжало быть амбивалентным. С одной стороны, литераторы болезненно воспринимали свое положение образованной элиты — носителей чужой, европейской культуры; тяготели к возрождению национальных культурных традиций. С другой стороны, большинство из них считали необходимым писать именно на английском языке, широко используя в своем творчестве европейский литературный опыт. Исключение составили те, кто предпочел забыть о своей собственной европеизации и в знак возвращения к истокам стал создавать литературу на местных языках и на основе фольклорных сюже-

тов. Среди них йоруба Д. О. Фагунва, О. Огунделе, А. Фалети, игбо П. Нвана, Л. Б. Гэм, А. Н. Ахара, идома С. Амалия и другие.

В этих условиях первая группа литераторов не смогла четко сформулировать собственную позицию по тем вопросам, которые они ставили перед читателем в своих произведениях. Их творения — это вопросы без ответа. Вторая группа писателей, решительно отвергнув прежнюю сущность, лишилась возможности вести полноценный диалог с теми, кто отказался на распутье.

Во-вторых, в Нигерии к началу 1950-х годов ориентация части общества на Запад лишь усилилась. Причем эта тенденция затронула практически все слои общества. Одной из причин подобной ситуации можно назвать хорошо организованный экспорт западной культуры в Африку. Неотъемлемыми элементами системы потребления, особенно в городах, к этому времени становятся европейские фильмы, музыка, танцы, развлекательные программы, а также реклама и печатные издания [Суиндула 1989: 157].

В романах Ч. Ачебе «Покоя больше нет» (1960), С. Эквенси «Люди города» (1954) есть персонажи, которые явно принадлежат к новому миру. Им свойствен сарказм в отношении поддерживаемых в обществе традиций и стереотипов поведения, демонстрация принадлежности к европейски-образованной элите общества, намеренное нарушение общепризнанных правил и даже безответственное поведение — кутеж и мотовство [Achebe 1960: 30, 92, 109–111; Ekwensi 1963: 15, 48–52].

Наряду с Ч. Ачебе и С. Эквенси многие нигерийские литераторы 1960-х годов критически отзывались о тех нигерийцах, которые столь спешно становились адептами западной культуры и нарочито порывали со всем, что связывало их с традиционным образом жизни. Писатели и прозаики подчеркивали нелепость бездумного имитирования внешних атрибутов инокультуры. Вместе с тем они не могли предложить читателю приемлемой альтернативы. «Когда-то они улыбались сердцами... / теперь же улыбаются только зубами», — писал Г. Окара о черных европейцах [Окара 1979: 228]. «Я выучился носить, как платье, личины — домашнюю, официальную, уличную, коктейльную», — признается он в том, что тоже находится под воздействием данных «новшеств» [Окара 1979: 229].

После достижения независимости, как отмечает Р.Н. Исмагилова, в элитарной субкультуре на первый план выдвигаются элементы тради-

ционной культуры, что находит свое выражение в одежде, обычаях, верованиях, отказе от европейских имен и возврате к именам африканского происхождения и т.д. Более того, стало отрицаться все то, что было связано с Западом, с западной культурой [Исмагилова 1989: 193].

Можно ли считать это достижением цели творчества нигерийских литераторов 1950-х годов? Нет. То, что наблюдалось в среде образованной элиты, было лишь требованием времени, поверхностным и искусственным. Литераторы крупным планом выделяют те черты образованной элиты, которые указывают на ее псевдотрадиционность.

В романе Ч. Ачебе «Человек из народа» (1966), пьесе В. Шойинки «Урожай Конги» (1967) одним из главных персонажей является ловкий демагог и беззастенчивый политик, который рядится в традиционные одежды и требует оберегать культурные традиции предков [Ачебе 1983: 232, 237, 271; Soyinka 1967: 2, 12–13, 36–39]. В то же время он искажает духовные ценности своего народа, апеллируя к традиции лишь тогда, когда это ему выгодно и дает возможность манипулировать населением [Ачебе 1983: 235, 257–258; Soyinka 1967: 24, 39–41, 65–66].

Ачебе, от имени одного из героев романа, пишет о «чувстве горечи», которое он испытывает, наблюдая за этим фарсом [Ачебе 1983: 228]. Вместе с тем он указывает на нежелание народа обличать тех, кто виновен в его бедственном положении [Ачебе 1983: 229–230, 240, 254]. Люди предпочитали оставаться в неведении, продолжая восхвалять тех, кто наживался за их счет.

По мнению многих литераторов, конформизм общества был вызван искажением коллективной памяти об истинных традициях и нормах поведения, ведущих свое начало с доколониальных времен: «Мы слепо зреем во тьме тишины, / Ища крупницы самих себя, / Должны, страдая и мучаясь, плыть / В океане времен, чтобы стать собой», — признает В. Шойинка свое поражение в поисках утраченной идентичности [Шойинка 1987: 533].

На наш взгляд, в этой фразе заключена очень емкая характеристика процессов, происходящих в нигерийском обществе: при отсутствии национальной консолидации чувства этнической солидарности и приверженности традициям, пропагандируемые региональной политической элитой, были теми самыми «крупницами», вокруг которых стали объединяться отдельные группы населения. Вместе с тем основы внутригрупповых отношений в начале 1960-х годов стали активно

трансформироваться в формы, приемлемые для решения своекорыстных задач пришедших во власть «из народа».

Порождением конформизма общества стали иллюзия свободы и братства, произвол властей, nepoтизм и клиентелизм. В романе В. Шойинки «Интерпретаторы» (1965) главные герои — Кола, Эгбо, Банделе, Секони — пытаются освободиться от «проходимцев и полудюдей, надутых ветром» [Soyinka 1965: 13]. Они ставят «неудобные» вопросы и ищут на них ответы. В результате их постигает глубокое разочарование в самой сущности независимости: за парадным фасадом демократических структур оказались все те же прогнившие конструкции колониального режима, которые покоятся на псевдотрадиционализме общества.

Еще один известный литератор середины 1960-х годов Дж. Эквере, разоблачая порочность социальных и политических структур Нигерии, указал на то, что в осквернении и предательстве идеалов борьбы за независимость виновна не только политическая элита, но и общество, их поддерживающее. «Все попирающие чужеземцы... изгнаны прочь... / Мы сами теперь терзаем себя!» — писал он [Эквере 1973: 430].

В связи с изменившейся ситуацией мы видим, что в творчестве нигерийских писателей 1960-х годов появляются новые черты. Прежде всего, меняется содержание произведений. Фольклорные и мифологические сюжеты отходят на второй план. В центре внимания — размышления о реалиях нигерийского общества. Литераторы не пытаются обвинить современников в тех неудачах, которые постигли Нигерию после самоопределения. Они лишь высказывают сожаление по поводу нежелания соотечественников прозреть и увидеть, что выбранный ими путь ведет к гибели. «На широко бетонном навесе, / Только что народившийся росток манго... / Смело пытался вгрызться корнями... / Из воздуха — в камень», — писал Ч. Ачебе о непонимании нигерийским народом безысходности той ситуации, в которой оно оказалось после провозглашения независимости [Achebe 1973: 16–17].

Скептицизм Ачебе относительно последующего развития Нигерии разделяли другие литераторы. Поэзия и проза середины 1960-х годов фиксируют разочарование, удрученность и даже отчаяние, царящие в обществе. Значительное место в произведениях литераторов начинают занимать тема крушения былых иллюзий, связанных с получением Нигерией независимости, а также критика недостатков избранного соци-

ально-экономического пути развития, безответственности политических деятелей. На смену писателю-романтику приходит писатель-гражданин.

Вместе с содержанием меняется и стиль произведений. Авторы, как и прежде, воздерживаются от однозначных оценок происходящего. Они, как и их герои, предпочитают роль наблюдателей, редко прибегают к комментариям, избегают наставлений и четкого определения собственной позиции в отношении описываемых событий. Вместе с тем в романах, пьесах, поэзии середины 1960-х годов мы находим новый литературный прием: все они насыщены диалогами и дискуссиями, столкновением идей и мнений. С одной стороны, это может рассматриваться как некое приглашение писателей к обсуждению стоящих перед Нигерией проблем широкими кругами общественности. С другой стороны, таким образом, на наш взгляд, литераторы стремились объяснить (прежде всего самим себе) причины сложившейся кризисной ситуации в стране.

Военный переворот (1966 г.) и последовавшая за ним гражданская война в Биафре (1967–1970 гг.) стали испытанием тех ценностей, которые более полувека как высшую святыню блюла общественная мысль — единение ради достижения процветания Нигерии. Пресеклась прежняя дорога нигерийской литературы. Писатели и поэты второй половины 1960-х годов уже отказывались посвящать свое творчество зарисовкам перспектив развития Нигерии и полностью переориентировались на фиксацию действительности.

Литература

Ачебе Ч. Стрела бога. Человек из народа / Сост. А. Словесного, пред. В. Иорданского, пер. с англ. Е. Пригожиной. М.: Радуга, 1983. 336 с.

Вавилов В.Н. Послесловие // Ачебе Ч. И пришло разрушение... / Пер. с англ. Н. Дынник-Будавей и Э. Раузиной. М.: Художественная литература, 1964. 232 с.

Исмаилова Р.Н. Культура и этничность // Африка: Взаимодействие культур. М.: Наука, 1989. С. 193.

Окара Г. Когда-то / Пер. с англ. Б. Слуцкого // Поэзия Африки: В 2 т. Т. 2. Современная поэзия на языках: англ., фр., португал. и афр. / Сост.

Е. Витковского, Е. Рязовой; Справки об авторах и примеч. Р. Дубровкина. М., 1979. 382 с.

Суиндула С. Колониализм и культура. Африка // Африка: Взаимодействие культур. М.: Наука, 1989. 367 с.

Шойинка В. Улисс // Шойинка В. Избранное / Пер. с англ., сост. А. Словесного, пред. В. Бейлиса. М., 1987. 540 с.

Эквере Дж. Ответ / Пер. с англ. А. Эппеля // Поэзия Африки / Сост. и прим. М. Ваксмахера, Э. Ганкина, М. Ермакова, А. Ибрагимовой, М. Курганцева, Е. Рязовой, В. Чеснокова. М., 1973. 687 с.

Achebe Ch. No longer at ease. L., 1960. 172 p.

Achebe Chinua. Morning yet on Creation Day. L., 1975. 175 p.

Achebe Chinua. Christmas in Biafra and other poems. N.Y.: Garden city, 1973. 92 p.

Ekwensi Cyprian. People of the city. L.: Heinemann Educational Books, 1963. 156 p.

Obiechina Emmanuel. Foreword // The Inside. Stories of war and peace from Nigeria. Nigeria, Enugu, 1971. 124 p.

Okigbo Christofer. Limits. Nigeria, Ibadan: Mbari Publications, 1964. 17 p.

Soyinka W. The Interpreters. L., 1965. 254 p.

Soyinka W. Kongi's harvest. L.: Ibadan, 1967. 90 p.